

Павел ЦЫГАНКОВ

Мировая политика: содержание, динамика, основные тенденции *

Понятие «мировая политика» принадлежит к числу наиболее употребляемых и одновременно наименее ясных в политической науке. Одна из главных проблем, связанных с мировой политикой, это именно проблема ее идентификации как объективно существующего феномена. Действительно, как отличить мировую политику от международных отношений? Вопрос тем более непростой, что само понятие «международные отношения» является достаточно неопределенным и до сих пор вызывает дискуссии между исследователями относительно его содержания¹. Нередко приходится встречаться с точкой зрения, согласно которой мировая политика в целом — не более чем абстракция, выражающая взгляд политолога на международные отношения, условно выделяющего в них политическую сторону, политическое измерение².

Гораздо больше ясности в рассматриваемую проблему вносит иной подход, высказанный А. Бовиным и разделяемый В. Лукиным: «„Мировая политика“ — это деятельность, взаимодействие государств на международной арене; «международные отношения» — это система реальных связей между государствами, выступающих и как результат их действий, и как своего рода среда, пространство, в котором существует мировая политика. Кроме государств, субъектами, участниками мирового общения выступают различные движения, организации, партии и т. п. Мировая политика — активный фактор, формирующий международные отношения. Международные отношения, постоянно изменяясь под воздействием мировой политики, в свою очередь, влияют на ее содержание и характер»³.

Такая позиция облегчает понимание происходящего на мировой арене и вполне может быть принята в качестве исходной в анализе мировой политики. Вместе

---

*Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 95-06-17096.

¹ См., например, *Les relations internationales: Les nouveaux débats théoriques*. «Le trimestre du monde», 1994, № 3.

² Таково, в частности, мнение французского исследователя М. Жирара, высказанное им в ходе дискуссии на состоявшейся в начале 1995 года на социологическом факультете МГУ российско-французской конференции по проблемам политической науки. См. также Моргачев С. Пространство, время и поле в мировой политике. «Мировая экономика и международные отношения», 1989, № 7.

³ Перестройка международных отношений: пути и подходы. «Мировая экономика и международные отношения», 1989, № 1, с. 58.

Цыганков П. А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии международных отношений социологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

с тем было бы полезно внести некоторые уточнения. Взаимодействие государств на мировой арене, двусторонние и многосторонние связи между ними в различных областях, соперничество и конфликты, высшей формой которых являются войны, сотрудничество, диапазон которого простирается, от спорадических торговых обменов до политической интеграции, сопровождающейся добровольным отказом от части суверенитета, передаваемого в «общее пользование», — все это точнее отражается термином «международная политика». Что же касается понятия «мировая политика», оно смещает акцент именно на ту все более заметную роль, которую играют в формировании международной среды нетрадиционные акторы, не вытесняющие, однако, государство как главного участника международных общений.

Очевидно, различия существуют не только между мировой политикой и международными отношениями, но и между внешней и международной политикой: внешняя политика той или иной страны представляет собой конкретное, практическое воплощение министерством иностранных дел (или соответствующим ему внешнеполитическим ведомством) основных принципов международной политики государства, вырабатываемых в рамках его более широких структур и призванных отражать его национальные интересы. Что касается негосударственных участников международных отношений, то для многих из них (например для многонациональных корпораций, международных мафиозных группировок, конфессиональных общностей, принадлежащих, скажем, к католической церкви или исламу) международная политика чаще всего не является «внешней» (или по крайней мере не рассматривается в качестве таковой)⁴. Вместе с тем подобная политика выступает одновременно как: а) «транснациональная» — поскольку осуществляется помимо того или иного государства, а часто и вопреки ему и б) «разгосударствленная» — поскольку ее субъектами становятся группы лидеров, государственная принадлежность которых носит, по сути, формальный характер (впрочем, феномен «двойного гражданства» нередко делает излишней и такую формальность).

Разумеется, внешняя и международная политика государства тесно связана не только друг с другом, но и с его внутренней политикой, что обусловлено, в частности, такими факторами, как единая основа и конечная цель, единая ресурсная база, единый субъект и т. п. (именно этим, кстати говоря, объясняется и то обстоятельство, что анализ внешнеполитических решений возможен лишь с учетом расстановки внутривнутриполитических сил). Вместе с тем, как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным, феномены «транснациональной» и даже «разгосударствленной» политики все чаще становятся свойственными и межгосударственному общению.

Действительно, как показывает швейцарский исследователь Ф. Брайар⁵, внешняя политика все в меньшей степени является уделом только министерств иностранных дел. В силу возросшей необходимости сообща управлять все более сложными и многочисленными проблемами она становится достоянием большинства других государственных ведомств и структур. Различные группы национальных бюрократий, имеющие отношение к международным переговорам, часто стремятся к непосредственному сотрудничеству со своими коллегами за рубежом, к согласованным действиям с ними. Это приводит к развитию внутривнутрибюрократических связей и интересов, выходящих за рамки государственных принадлежностей и границ, что делает внутреннюю и международную сферы еще более взаимопроницаемыми.

⁴ Так, например, в мусульманских странах представления о национальном гражданстве появились лишь к концу XIX века. До этого мусульмане различных государств юридически считались членами одной общины мусульман. Исламские же фундаменталисты, по сути, и сегодня не признают деления мусульман по национально-государственному признаку.

⁵ См. Braillard Ph. Relations internationales: une nouvelle discipline. «Le trimestre du monde», 1994, № 3, p. 29.

Основные концептуальные подходы к анализу мировой политики

Следует подчеркнуть, что в специальной литературе, как правило, не проводится различий между терминами «мировая политика», «международная политика» и «международные отношения», которые рассматриваются чаще всего как взаимозаменяемые. Тем не менее мы можем попытаться проследить с учетом вышеприведенного разграничения терминов (которое, естественно, является достаточно условным) общее и особенное в понимании содержания мировой политики сторонниками различных научных школ и теоретических направлений — политического реализма и неореализма, неомарксизма и транснационализма, институционализма и теории международных режимов.

Прежде всего следует отметить, что, предлагая разные подходы к анализу проблемы, большинство из них отвержены (правда, в различной степени) системному подходу. Так, Г. Моргентау — один из отцов-основателей политического реализма, остающегося и поныне наиболее влиятельным теоретическим направлением, — писал о том, что международные отношения представляют собой настолько же древнюю, насколько и самостоятельную политическую систему⁶. С позиций К. Уолца — родоначальника школы неореализма — истинная теория международных отношений должна исходить не из частей, а из целостности мира, делая своим отправным пунктом существование глобальной системы, а не государств, которые являются ее элементами. При этом принципиальное значение придается структуре межгосударственных взаимодействий, рассматриваемой как их побочный результат, который неожиданно для носителей (субъектов) этих взаимодействий ставит их поведение в определенные рамки, подчиняет своим правилам, зачастую не имеющим ничего общего с целями и задачами самих субъектов.

Без самостоятельного онтологического статуса структура межгосударственных отношений не может не приниматься в расчет ни одним государством, включая и великие державы. Так, например, все государства вынуждены нести военные расходы, хотя это неразумная трата ресурсов. Структура межгосударственной системы навязывает всем странам такую линию поведения в той или иной сфере политики, которая может противоречить их общественным интересам. Структура позволяет понять и предсказать линию поведения государств на мировой арене. Наподобие того как в экономике состояние рынка определяется влиянием нескольких крупных фирм, формирующих олигополистическую структуру, мировая политика определяется влиянием великих держав, конфигурацией соотношения их сил⁷.

Сторонники неомарксизма, ставя в центр своего анализа мировой политики так называемый мир-системный подход, придерживаются другой точки зрения на ее сущность. Так, согласно И. Валлерстайну, в основе целостности мира, представляющего собой глобальную империю, лежат законы капиталистического способа производства — «миро-экономика». «Центр империи» — небольшая группа экономически развитых государств, — потребляя ресурсы «мировой периферии», является производителем промышленной продукции и потребительских благ, необходимых для существования составляющих ее слаборазвитых стран. Таким образом, мировая политика предстает как постоянная борьба между «центром» и «периферией» мир-системы, выступая следствием несимметричной взаимозависимости государств и народов в условиях второй половины XX века. При этом развитые страны заинтересованы в сохранении такого состояния (которое, по сути, представляет собой состояние зависимости), тогда как страны «периферии», напротив, стремятся изменить его, установить новый мировой экономический порядок. В конечном счете основные интересы тех и

⁶ См. Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке. Сборник статей. М., 1992, с. 166.

⁷ См. Waltz K. Theory of International Politics. Reading. Addison-Wesley, 1979.

других лежат в сфере мировой политики и внешнеполитических действий, от успеха которых зависит их внутреннее благополучие⁸.

В свою очередь, сторонники школы транснационализма⁹ считают, что в наши дни основой мировой политики уже не являются отношения между государствами. Многообразие участников (межправительственные и неправительственные организации, предприятия, социальные движения, различного рода ассоциации и отдельные индивиды), видов (культурное и научное сотрудничество, экономические обмены, родственные отношения, профессиональные связи) и «каналов» (межуниверситетское партнерство, конфессиональные связи, сотрудничество ассоциаций и т. п.) взаимодействия между ними вытесняют государство из центра международного общения, способствуют трансформации такого общения из «интер-национального» (т. е. межгосударственного, если вспомнить этимологическое значение этого термина) в «транс-национальное» (т. е. осуществляющееся помимо и без участия государств). Для новых акторов, число которых практически бесконечно, не существует национальных границ. Поэтому на наших глазах возникает глобальный мир, в котором разделение политики на внутреннюю и внешнюю теряет всякое значение. Существенное влияние на подобный подход оказали выдвинутые еще в 1969 году Дж. Розенау идеи о взаимосвязи между внутренней жизнью общества и международными отношениями, о роли социальных экономических и культурных факторов в объяснении международного поведения правительств, о «внешних» источниках, которые могут иметь «чисто внутренние», на первый взгляд, события, и т. п.¹⁰

С позиций сторонников институционального подхода к рассмотрению мировой политики, обитатели современного мира связаны общими нитями мировой экономики; их объединяют, с одной стороны, сопоставимые идеалы и ценности, а с другой — общие вызовы и проблемы; наконец, — и это главное — они представлены в международных институтах и организациях, совместно созданных ими в целях управления взаимозависимостью и регулирования отношений друг с другом. Хотя члены глобального международного общества остаются суверенными и независимыми, отношения между ними регулируются определенными правилами и соглашениями, в совокупности составляющими международное право¹¹.

В 80-е годы эта идея не только получила дальнейшее развитие, но и оформилась в теорию международных режимов, согласно которой участники международных отношений, и в первую очередь государства, сталкиваются в своих действиях со все более значительными ограничениями, что связано с правилами игры, на установление которых они вынуждены идти под давлением необходимости. Результатом является определенная «интернационализация» политического авторитета. Один из представителей этой теории — американский исследователь С. Краснер — определяет международные режимы как совокупность писанных и неписанных принципов, норм, процедур и соглашений, регулирующих международные отношения¹².

Основные черты современного этапа мировой политики

Резюмируя происходящие сегодня изменения в международных отношениях < учетом рассмотренных выше позиций, можно сформулировать несколько предварительных выводов, касающихся содержания мировой политики.

⁸ См. Les inegalites entre etats dans le systeme international: origines et perspectives. Centre quebequois de relations internationales. Universite Laval, 1975, pp. 12—22.

⁹ См., например, Transnational Relations and World Politics. Harvard University Press, 1972. К о h a n e R. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, 1977; Най Дж. С (мл.) Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика. «Международная экономика и международные отношения», 1989, № 12.

¹⁰ См. Lincage Politics. Essays on the Convergence of National and International System. New York — London, 1969.

¹¹ См. Bosc R. Sociologie de la paix. Paris, 1965, p. 45.

¹² См. International Regimes. Ithaca, 1986, p. 27.

Во-первых, мировая политика является результатом глубокой трансформации международных связей и взаимодействий, возникновения целого ряда общих проблем, решение которых уже не может быть найдено в рамках национально-государственных границ. Поэтому государства в своих отношениях друг с другом вынуждены конфликтовать или идти на переговоры и сотрудничество уже не только по вопросам, которые традиционно рассматривались как сфера «высокой», или «большой», политики (к которой относят вопросы дипломатии, государственной безопасности и т. п.), но также, и все в большей степени, по вопросам, которые прежде относились к сфере «малой политики» (торговые обмены, технические, культурные и т. п. проблемы). Этот феномен приобрел тем более важное значение, что государства, столкнувшись с трансформацией существовавших ранее ценностных систем и необходимостью реагировать на вытекающие из этого ожидания и потребности общества, вынуждены брать на себя новую ответственность социального, экономического, технического и культурного характера. Иначе говоря, они оказались перед необходимостью открыться взаимозависимости. А эволюция ценностных систем, проявляющаяся в возрастании удельного веса прежде всего таких ценностей, как социальное и экономическое благосостояние, личное благополучие и безопасность, неотчуждаемость основных прав и свобод человека, все чаще приводит к тому, что государство должно отдавать им приоритет над традиционными ценностями своей внешней политики¹³.

Во-вторых, в результате происходящих изменений международная система приобретает глобальный, общемировой характер. А как известно, всякая система не только обладает новым качеством по сравнению с составляющими ее элементами, но и навязывает этим элементам определенные принуждения и ограничения структурного характера. Мировая политика отличается от политики составляющих ее элементов. Это не просто совокупность или даже равнодействующая внешних политик государств и других участников международных отношений, а, включая в себя эти составляющие, она обладает собственными качественными особенностями и оказывает на поведение международных акторов самостоятельное влияние. От внутренней политики мировую политику отличает то, что Р. Арон называл «плюрализмом суверенитетов», т. е. отсутствие центральной власти, обеспечивающей соблюдение обязательных для каждого актора правил поведения. Поэтому мировая политика представляет собой зону повышенного риска, в которой каждый участник взаимодействия вынужден исходить зачастую из непредсказуемого поведения других. В отличие от внешней политики она складывается во многом стихийно и не ограничивается деятельностью государств. Иначе говоря, по своему характеру и имманентным целям мировая политика — это особый род политики, в основе которой создание и поддержание стабильной международной среды, где могли бы реализовываться интересы всех ее участников.

В-третьих, глобализация и институализация международных отношений отражают возрастающее давление экзогенных факторов на взаимодействие государства международной арене. Тем самым мировая политика как бы отделяется от внутривнутриполитической среды, становится некоей самодовлеющей, относительно автономной реальностью, все с большей очевидностью лишая почвы утверждения представителей марксизма и других интернистских течений о внешней политике как продолжении внутренней. Однако это не значит, что, «отделяясь» от внутренней политики, мировая политика утрачивает все связывающие их общие черты. Было бы ошибкой абсолютизировать особенности мировой политики.

Как и всякая политика, она является — хотя и своеобразной — сферой властных отношений, представляет собой соперничество и согласование ценностей, целей и интересов государств и других международных акторов. Как и во всякой политике, ее объектами являются распределение ресурсов и организация общест-

¹³ См. об этом Brailard Ph. Relations internationales: une nouvelle discipline? «Le Trimestre du monde», 1994, № 3, p. 29.

венной жизни. Как и всякая политика, она имеет дело с самооценностью власти, которая поэтому не может быть редуцирована ни к моральным дилеммам, ни к военной силе, ни к экономической мощи, а обладает собственной внутренней природой, как и собственным онтологическим статусом. Поэтому взаимозависимость и глобализация не ведут к замещению традиционных «частных» ценностей и идеалов народов всеобщими универсалиями общечеловеческого характера или к потере национальных идентичностей и утрате роли государства в международных отношениях в пользу формирующегося «мирового правительства».

Точно так же обмены и коммуникации расширяют сферу международного взаимодействия, способствуют увеличению потребностей в росте материального благосостояния и социального благополучия, но вовсе не ведут — вопреки нередко встречающимся утверждениям — к однородности мира, к формированию единого для всех стран и народов образа жизни. Скорее, напротив, они ускоряют осознание нациями, народами и цивилизациями свойственных им различий, обостряют чувство собственной идентичности, стимулируют стремление к ее сохранению и защите. В результате политическая жизнь интенсифицируется, формируются новые точки международной напряженности, возникают конфликты нового поколения, складывается иная по сравнению с недавним прошлым расстановка сил, сталкиваются разные подходы к возникающим международным проблемам и кризисам. Это означает, что мировая политика выступает не только как особая сфера или поле деятельности международных акторов, но и как процесс.

Особенности и тенденции мирового политического процесса

Понятие политического процесса тесно связано с понятием политической системы, отражающим динамическое измерение системы и последовательную смену ее состояний. В международных отношениях политические процессы являются результатом взаимодействия их многообразных участников — внешней политики государств, деятельности межправительственных и неправительственных организаций, а также многочисленных новых «акторов вне суверенитета».

Подчеркивая указанную взаимосвязь, канадский политолог М. Брехер пишет, что «международная система состоит из совокупности акторов, которые зависят от внутренних (контекст) и внешних (среда) принуждений, находятся по отношению друг к другу в той или иной форме властных отношений (структура) и включены в регулярные сети взаимодействия (процесс)»¹⁴. В свою очередь, французский ученый Ж.-Ж. Рош особо отмечает регулируемую роль политических процессов: по его мнению, процесс есть доминирующий способ регулирования взаимодействий элементов структуры международной системы, который определяет тип постоянно эволюционирующего поведения акторов и представляет собой в конечном счете инструмент преодоления существующих в ней структурных беспорядков¹⁵. Некоторая переоценка регулирующей роли международно-политических процессов, по сути, представляет собой последствие преувеличения их действительно системного характера.

Основные типы международно-политических процессов — это конфликты (и, соответственно, стратегическое поведение акторов), высшая форма которых война; сотрудничество (разновидностями являются переговоры, многосторонняя дипломатия и различные виды интеграции и координации деятельности государств и других участников международных отношений), а также принятие внешнеполитических решений. Таким образом, функционирование международных отношений отражается в следующей совокупности понятий: «система»—«структура»—«процесс»—«порядок» (как самосохранение целостности системы). При

¹⁴ Brecher M. Systeme et crise en politique internationale. In: Korany B. et al. Analyse de relations internationales. Approches, concepts et donnees. Montreal, 1987, p. 82.

¹⁵ См. Roche J.-J. Le systeme international contemporain. Paris, 1994, pp. 14—15.

этом, если применительно к многообразным международно-политическим процессам указанные понятия характеризуют динамику событий и ситуаций, наблюдающихся в рамках региональных, субрегиональных или же локальных международных систем и существующих сравнительно непродолжительный период, то мировой политической процесс есть функция глобальной (общепланетарной) политической системы.

В теоретическом осмыслении мирового политического процесса могут быть выделены три взаимодополняющих аспекта: функциональный, структурный и поведенческий. Соответственно, мировой политический процесс рассматривается как: а) равнодействующая международных политических процессов, основная, базовая политическая линия, определяемая изменениями в структуре глобальной международной системы и являющаяся, в свою очередь, источником других (региональных, локальных и т. п.) международно-политических процессов; б) способ организации и регулирования международной жизни; в) совокупное взаимодействие государственных и негосударственных, традиционных и новых акторов, стремящихся в целях реализации своих интересов к воздействию на глобальную международную систему. Во всех случаях речь идет о динамике международной жизни, характеризующейся относительно стабильными чертами на протяжении сравнительно длительного исторического промежутка времени.

Так, например, в 1945—1989 годах международно-политические процессы при всем их многообразии отличались несколькими фундаментальными общими чертами, позволяющими говорить о существовании в этот период относительно стабильной глобальной политической системы и качественно особого международного порядка¹⁶. Во-первых, это биполярная структура; во-вторых, создание ООН, дальнейшая нарастающая институализация международных отношений и все более настойчивые попытки придать мировой политике нормативный характер; наконец, в-третьих, углубляющееся противоречие между экономически мощными и слабо развитыми странами — между «богатыми государствами Севера» и «бедными государствами Юга».

Как свидетельствует история, крушение одного типа международного порядка и замена его другим происходят в результате таких процессов, как масштабные войны или революции. Своеобразие современного периода состоит в том, что крах международного порядка, сложившегося после 1945 года, произошел в условиях мирного времени. Вместе с тем мирный характер уходящего международного порядка был достаточно относительным: во-первых, он не исключал многочисленных региональных вооруженных конфликтов и войн, а во-вторых, постоянной напряженности в отношениях между двумя противостоящими блоками, выступающей как состояние «холодной войны». Последствия ее окончания во многом сходны с последствиями прошлых мировых войн, знаменовавших переход к новому международному порядку: крупномасштабные геополитические сдвиги; временная дезориентация (в результате потери главного противника) как победителей, так и побежденных; перегруппировка сил, коалиций и союзов; вытеснение ряда прежних идеологических стереотипов; смена политических режимов; возникновение новых государств и т. п. Происходит конвульсивная трансформация всей системы сложившихся международных отношений, сопровождающаяся высвобождением политического экстремизма и агрессивного национализма, религиозной нетерпимостью, ростом конфликтов на национально-этнической и конфессиональной основах, возрастанием миграционных потоков.

Все это говорит о том, что одной из главных особенностей современного мирового политического процесса является его переходный характер и, соответственно, такая черта, как разбалансированность международной системы или, иначе говоря, глобальный беспорядок. Деформируется и все меньше отвечает своему предназначению прежняя структура межгосударственных отношений. За-

¹⁶ Подробнее об этом см. Международные отношения как объект изучения. М., 1993, с. 101—102.

метно утрачивают эффективность традиционные способы урегулирования конфликтов — особенно, когда речь идет о конфликтах нового поколения (например в постсоветском пространстве, в бывшей Югославии, в Сомали), — таких как экономическое эмбарго, политическое давление, военное вмешательство и т. п. Межгосударственная дипломатия и ее институты обнаруживают свою неприспособленность к реагированию на такие возникающие и приобретающие все более массовый и долговременный характер процессы, как «неорганизованное» (т. е. неподдающееся контролю государственных структур) трансграничное перемещение информационных, людских, финансовых потоков, новейших видов вооружений, организованная преступность, деградация окружающей среды и т. п.

Мировой политический процесс в исследованиях зарубежных ученых

Осмысление глубоких изменений, производящих подлинный переворот в привычной картине международных отношений, присуще практически всем крупным работам последних лет. Характерны уже сами названия работ, изданных в разных странах: «Турбулентность в мировой политике»; «Мировая безопасность. Вызовы на рубеже нового столетия»; «Новый мировой пейзаж»; «Мир на переломе»; «Холодная война и после нее. Перспективы для мира»; «Балканизация планеты»¹⁷ и т. п. При этом одни авторы отмечают внезапность, обвальность характер новых международных процессов. Указывается, что фактически все известные теоретические направления политической науки оказались дискредитированными, поскольку не сумели предсказать столь быстрого наступления ни одного из крупных событий, символизирующих переход к новой эпохе в мировой политике, например падения Берлинской стены и воссоединения Германии, окончания холодной войны или распада Советского Союза¹⁸.

Другие стремятся исследовать характер и долговременные тенденции происходящих изменений. Так, Д. Розенау подчеркивает, что в рамках возникающей сегодня новой «постмеждународной политики» контакты между различными структурами и акторами осуществляются принципиально по-новому. Рождающийся на наших глазах и уже существующий наряду с традиционным миром межгосударственных взаимодействий новый, «второй, полицентричный мир международных отношений», характеризуется хаотичностью и непредсказуемостью, искажением идентичностей, переориентацией связей авторитета и лояльностей, соединявших индивидов прежде. При этом базовые структуры «постмеждународных отношений» как бы «расщепляются» между этатистским и полицентрическим мирами, которые взаимно влияют друг на друга, но никогда не могут найти подлинного примирения между собой¹⁹.

Продолжая эту мысль, французский ученый Б. Бади останавливается на проблеме импорта странами «Юга» западных политических моделей (в частности — государства как института политической организации людей). В широком смысле можно констатировать, с его точки зрения, явную несостоятельность универсализации западной модели политического устройства. Именно в этом заключается, по его мнению, основной источник беспорядка в современных международных отношениях и наблюдающихся сегодня противоречивых и сложных процессов переустройства мира.

В той мере, в какой государство-нация не соответствует социокультурным традициям обществ-импортеров, члены этих обществ не чувствуют себя связан-

¹⁷ Rosenau J. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990; Klare M. T. & Thomas D. C World Security. Challenges for a New Century; Samuel A. Nouveau paysage international. Bruxelles, 1990; Badie B., Snouts M.-C. Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. Paris, 1992; The Cold War and After, Prospects for Peace. Cambridge, Massachusetts, 1993 (см. также: Zorbibe Ch. L'Apres — Guerre froide dans le monde. Paris, 1993); Lalan Y. La planete balcanisee. Paris, 1994.

¹⁸ См. Gaddis J. L. International Relations Theory and the End of the Cold War; The Cold War and After, Prospects for Peace. Cambridge, Massachusetts, 1993.

¹⁹ См. Rosenau J. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990.

ными с данной моделью политического устройства, не идентифицируют себя с ней. Отсюда наблюдаемый в постколониальных странах феномен отторжения гражданских отношений. А поскольку социальная динамика не терпит пустоты, это отторжение ведет социальных акторов к поиску новых идентичностей и иных форм социально-политической организации. С этим связано такое получившее широкое распространение в современном мире (и несущее в себе огромный конфликтный потенциал) явление, как вспышка партикуляризма, которую ошибочно отождествляют с национализмом или пробуждением наций. На самом деле происходит как раз обратное. Инфляция идентичности характеризуется в действительности ненадежностью способов ее кристаллизации и поиском замещающих ее форм социальных и политических отношений. Такой поиск идет как в направлении микро-коммунитарных реконструкций («я не чувствую себя гражданином, следовательно, вместо этого я рассматриваю себя прежде всего как члена моего клана, даже моей семьи, моей деревни»), так и создания макро-коммунитарных связей («я идентифицирую себя с определенной религией, с определенной языковой, культурной или исторической общностью, которая выходит за пространственные рамки прежних наций-государств»)²⁰.

В свою очередь, бельгийский ученый А. Самюэль считает, что человечество уже вступило в «новый международный мир», а скорость и глубина наблюдаемых изменений имеют, по меньшей мере, два последствия. Во-первых, произошел переход от биполярного мира к комплексному. Нет уже двух сверхдержав; в Юго-Восточной Азии бурно развиваются новые динамичные государства; в других странах происходит демографический взрыв; нации освобождаются; «сателлиты» уходят с орбит своих сюзеренов; действия малых государств приносят серьезные беспокойства великим державам. Наряду с упадком влияния больших идеологий появляются новые силы — экономического, финансового, а также духовного характера. Религиозность не только возвращается, но и претендует на то, чтобы определять национальные и международные политические процессы. Одновременно от Мехико до Москвы происходит «восстание гражданского общества», которое опрокидывает однопартийность и склеротическую политику. Наконец, интеллектуалы, религиозные деятели становятся не только «звездами», но и международными лидерами, скромная, но настойчивая деятельность которых изменяет ход вещей.

Во-вторых, этот переходный мир стал непредсказуемым. Мы уже привыкли к разделу мира на два блока, который казался незыблемым или пропагандировался как таковой. Но вот непредвиденное уже произошло. Коммунистическая идеология и коммунистическое движение уже совсем не те, что были еще недавно. Вопросы, отложенные в долгий ящик истории, — такие, например, как воссоединение Германии, — решаются неожиданно быстро. И никто не может предсказать, что еще произойдет завтра. Вместе с тем уже сегодня ясно, что проблемы международной безопасности больше не могут решаться в терминах равновесия военных сил²¹.

Б. Бади и М.-К. Смуц пишут, что мир 90-х годов находится в поисках новых отношений и новых субъектов. Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе очень мало средств эффективного влияния на происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения. Современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования, в том, что поставлено на карту²². Краеугольные понятия,

²⁰ См. Bad i e В. L'Etat importe, L'occidentalisation de l'ordre politique. Paris, 1992.

²¹ См. S a m u e l А. Nouveau paysage international. Bruxelles, 1990, pp. 247—250.

²² См. Badie В., Smouts М.-С. Le retournement du monde. «Sociologie de la scene internationale». Paris, 1992, pp. 237—240.

отражавшие сами основы, на которых веками покоились различные исторические типы международного порядка, такие как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «верноподданнические чувства», либо теряют свой смысл, либо приобретают совершенно новое значение²³.

Если сторонники концепций взаимозависимости и транснационализма главное внимание уделяют падению прежней роли государства в мировой политике, глобальным последствиям поведения новых акторов на мировой арене, превращения планеты в «мировую деревню», преимуществам и противоречиям интеграции, то представители политического реализма подчеркивают иные аспекты мирового политического процесса наших дней.

Так, например, И. Лолан главное внимание уделяет «балканизации планеты», под которой он понимает «необратимый процесс распада отношений солидарности и взаимозависимости, мало-помалу установившихся в послевоенном мире»²⁴. Еще один мировой процесс — фундаментальное изменение в соотношении сил между государствами и между цивилизациями. Мировое лидерство переходит от распавшегося СССР и замыкающихся в себе США, которые доминировали в мировой политике в течение последних 50 лет, к новым экономическим гигантам — Германии и Японии. Поскольку в мире всегда господствовали конфликты, постольку всякая цивилизация может опираться только на имеющиеся в ее распоряжении вооруженные силы. Когда же эти силы исчерпываются, например по причине нехватки людей и ресурсов, она рушится, и на смену ей приходит господство иной цивилизации. Именно это и происходит в настоящее время на нашей планете. Наблюдаемые сегодня демографические изменения — падение рождаемости в развитых странах Европы, Америки, а также в России, с одной стороны, и ее взрыв в странах мусульманского мира, в отсталых государствах Азии, Африки и Латинской Америки — с другой, приводят к неутешительным выводам: «Русско-европейско-американская цивилизация уже не восстановится на Планете, или, что, впрочем, то же самое, не восстановится настолько, чтобы не стать маргинальной группой мирового населения»²⁵. Результатом этих тенденций в мировой политике является то, что человечество движется не к новому мировому порядку, а, скорее, к мировому беспорядку, т. е. к неясному, ненадежному миру, гораздо более опасному, чем тот, который оно знало до сих пор²⁶.

Основные тенденции современного мирового политического процесса

Таким образом, резюмируя наблюдаемые сегодня на мировой арене изменения и их осмысление в политической науке, можно сказать, что в наши дни становится проблематичным любой прогноз относительно будущего человечества. Речь можно вести лишь о выделении наиболее общих тенденций в эволюции современного мирового политического процесса, причем эти тенденции во многом противоречат друг другу.

Во-первых, переходный характер процесса не оставляет ясности (по крайней мере, на его нынешнем этапе) относительно его перспектив. Доводов, как и фактов, говорящих в пользу того, что мир движется к новому мировому порядку, существует столько же, сколько аргументов, убедительно показывающих, что основная тенденция — это движение к беспорядку. Между тем данная проблема имеет не только теоретическое значение, ибо оценка степени порядка, содержащегося в политическом процессе, оказывает влияние и на политическое поведение того или иного актора.

Во-вторых, есть множество свидетельств того, что в ходе современного

²³ Там же, с. 237.

²⁴ Lolan Y. La planète balcanisée. Paris, 1994, p. 16.

²⁵ Там же, с. 340.

²⁶ Там же, с. 19.

мирового политического процесса государственно-центричная модель международной жизни теряет свое значение. Об этом же говорят и факты усиления влияния негосударственных акторов. В то же время нельзя не видеть, что национальное государство с присущими ему традиционными атрибутами (суверенитет, территориальность, невмешательство других в его внутреннюю монополию и т. п.) остается притягательной моделью политической организации народов, популярность которой в последние годы получила новые убедительные подтверждения. Если в 1945 году в мире насчитывалось 60 суверенных государств, то в 1965 году их было 100, в 1990—160, в 1992 году — 175, а в настоящее время ООН объединяет 184 государства. Создание самостоятельного национального государства остается мечтой курдов, о нем заявляют лидеры Абхазии, к нему приближаются палестинцы.

В-третьих, это противостоящие друг другу и одновременно взаимодополняющие тенденции: растущая солидарность мира перед лицом новых вызовов в области экономики, экологии, демографии, природных ресурсов, здравоохранения и т. п., с одной стороны, а с другой — партикуляризм, стремление решать собственные проблемы, реализовывать свои интересы, отвергая опыт и даже интересы других; неспособность включиться в сети международной взаимосвязи, исключенность и отбрасывание на периферию мирового развития. «Глобализация» и «фрагментация», «мондиализация» и «балканизация», «объединение» и «дробление» — эти и им подобные явления отражают вполне реальные тенденции в мировом политическом процессе, хотя первая из них в большей мере касается экономики, а вторая — политических решений.

Наиболее общие и очевидные проявления отмеченных тенденций — феномены экономической, социальной и политической интеграции и дезинтеграции, наблюдаемые сегодня практически во всех регионах мира. Они выражают объективную противоречивость современного мирового политического процесса, стохастический, непредопределенный характер его развития. И как показывает практика международной жизни последних лет, игнорировать ту или иную тенденцию, односторонне ориентироваться на одну из них при осмыслении современных международных реалий, а тем более при выработке и проведении в жизнь политических решений — серьезная ошибка, чреватая негативными последствиями. Избежать ее — значит уменьшить политический риск в практике международных отношений.

П. Цыганков, 1995